

Что будет после Путина?
Кай Элс

В преддверии предстоящих в 2008 году президентских выборов преемник еще не определен – стоит ли Россия на пороге новой Смуты?

"Бойтесь России!" – под таким заголовком вышла одна из статей Financial Times Deutschland (FTD). "По Европе бродит призрак: русские идут", – сообщает Die Welt. Ходят слухи о мстительных российских агентах, а глава фракции зеленых Кон-Бендит, будучи в ударе, квалифицировал правительство в Москве как "террористический режим".

Хор предостерегающих голосов отовсюду – куда ни повернешься. Всех их объединяет одно: опасения, связанные с предполагаемым третьим сроком Путина, который – как пишет FTD – сделал Россию "авторитарным государством с фашистскими тенденциями": речь идет о репрессиях внутри страны и агрессивной внешней политике. Почему этого президента ругают с такой силой, воскрешая в памяти ярлыки Рейгана об "империи зла" на Востоке? К чему стремится Путин на самом деле?

Обратимся к истории: тот, кого подвергают сегодня такой резкой критике, появился на политической арене в 1999 году, на закате эры хворающего Бориса Ельцина, как тень, буквально ниоткуда. Его приход во власть, сначала в качестве премьер-министра, походил на восхождение его давнего предшественника – первого Романова, который вззошел на престол после многолетней Смуты – Смутного времени после кончины Ивана IV, названного Грозным, в 1584 году. Смутой русские называют такую обстановку политического хаоса, которая сводится к расколу российской, а в конце концов и евразийской централизованной власти перед тем, как возникнет новый порядок. Смутой обернулся и переход от XIX к XX веку, когда пришел конец царизму в России. Последняя Смута, которая привела к политической и социальной дезинтеграции евразийского пространства, последовала после развала СССР в конце 1991 года.

В этой связи параллели с периодом Смуты после смерти Ивана Грозного правомерны: и молодого Романова, и Владимира Путина считали "мальчишкой", о котором конкурирующие между собой "элиты" не думали как о серьезной опасности для них. Как и молодой Романов, Путин также пришел во власть без какой-либо продуманной программы, получив лишь "благословение" сверху – от Ельцина и "семьи". Для этого клана и его местных любимчиков итоги приватизации – а точнее, грабительского дележа народного достояния после 1991 года – должны были остаться незыблемыми.

Но так же, как обманулись покровители Романова, когда тот – вместо того, чтобы плыть по волнам Смутного времени – укрепил в стране самодержавие, постсоветскую "элиту" тоже ждал неприятный сюрприз: придя во власть, Путин проявил себя как решительный реставратор, который использовал скроенную под президента Ельцина конституцию для того, чтобы шаг за шагом обеспечивать свободу действий для центра. Он заявил вскоре о своих целях, которые многими не воспринимались как стратегия: централизованная модернизация экономики и общества с опорой на сильное государство, возврат к проверенным структурам вместо слепого насаждения западных моделей, позиционирование России как центра интеграции Евразии.

Резюмируя то, что получилось, и не вдаваясь в детали: после того как Путин стал самолично назначать губернаторов, российская система управления государством получила новый костяк; были урезаны привилегии региональных и местных властей. Выигравшие от приватизации олигархи были вынуждены заплатить налоги. После разгрома концерна ЮКОС под контроль государства вернулись важнейшие ресурсы России. Экономика освободилась от оков продолжавшейся с 1998 года депрессии и демонстрирует с тех пор ежегодный рост на 6,5%. Страна расквиталась с внешним долгом и покончила с дефицитным бюджетом. Но, прежде всего, Россия снова обрела вес на мировой политической арене после деградации в эпоху Ельцина до объекта западных

интересов. Новый всплеск антироссийской одержимости, который наблюдается сегодня на Западе, можно объяснить именно этой вновь обретенной силой России, которой способствует роль лидера энергетического рынка.

Конечно, конфликты на Кавказе так и остались нерешенными, кроме того, Путин многое еще недоделал в социальной политике. Однако он продолжает пользоваться популярностью у более чем 60% населения страны – и не благодаря, а вопреки "монетизации льгот", которая была призвана покончить с пережитками советской социальной системы. Общественный протест против монетизации натуральных льгот перешел в тихий отказ по принципу: где нет денег – нет и платежей, а где нет истца – нет и жалобы. Реформы, между тем, уже практически иссякли, даже если в водовороте недавнего вступления в ВТО будут предприняты дальнейшие попытки монетизации.

После шести с половиной лет правления Путина возникла ситуация, когда российское руководство в некотором роде растянулось в шпагате между активной ролью в мире глобализации и несостоявшимся переходом к капитализму внутри страны. Путину удавалось до сих пор держать равновесие. При этом он также удерживает баланс между министром обороны Сергеем Ивановым, как представителем "силовиков", с одной стороны, и либеральным Дмитрием Медведевым – с другой. Ни тот ни другой не сможет обеспечить это четко установленное равновесие, поэтому ни тот ни другой не годится на пост президента.

Другие претенденты – коммунист Зюганов или бывший премьер Касьянов – также представляют лишь отдельные силы. Это же касается и бывшего чемпиона мира по шахматам Каспарова, который выступает под флагом ультралиберальных сил, не говоря уж о провокаторе Жириновском. Никто не сможет заменить Путина, его уход будет означать крушение "системы внутреннего баланса" – и можно ожидать, что появится новый "мальчишка", о котором прежде никто не слышал. Стоит ожидать таких неожиданных кандидатур, как малоизвестный Александр Донской, мэр Архангельска, города, расположенного на севере России.

Российский президент отдает себе отчет, что на сегодняшний день сложилась двоякая ситуация. В августе он ответил однозначным отказом на предложение партии власти "Единая Россия, переизбраться на третий срок и стать "спасителем нации". Вместо этого он потребовал дать больше пространства для деятельности оппозиции. Шагом в этом направлении стало создание партии "Справедливая Россия", которая задумана как противовес "Единой России", но при этом приветствует проводимый Путиным курс. В этой связи возникают ассоциации с двухпартийной системой в США – однако, дойдет ли до создания такой модели в России, неизвестно.

Если для Путина в самом деле была важна демократизация России, Западу бы следовало поддержать его усилия по поиску преемника, а не избличать его как "диктатора" и не стремиться вернуться к "достижениям" Ельцина, выстраиваясь единым фронтом. Подобная стратегия может привести к Смуте – или спровоцировать ее насильственное предотвращение.